
К. Вилкуна

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА ФИНЛЯНДИИ

(ХОЗЯЙСТВО, ПОСТРОЙКИ, СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ)

Финляндия как по географическому положению, так и по народной культуре является частицей старой Европы. Благодаря северному, окраинному положению страны и редкому населению, в народной культуре Финляндии до наших дней сохранились весьма древние бытовые явления и отдельные своеобразные черты, происхождение которых из различных культурных центров можно установить даже теперь.

Древнейшей формой хозяйства финнов были охота и рыболовство, т. е. присваивающее промысловое хозяйство, которое в редкостно однообразных формах, не зависящих от языковых и племенных различий, распространилось в зоне хвойных лесов всей Северной Европы от Атлантического океана до Урала и которое в более ранние периоды господствовало и южнее, в лесах и бассейнах рек Средней Европы. Второй, более поздней, формой было сельское хозяйство (скотоводство и земледелие), древнейшие черты которого связывают юго-западную Финляндию с Эстонией и вообще с Прибалтикой.

Как в самих этих древних комплексах хозяйства, так и в народной культуре Финляндии в целом встречаются сотни одиночных и комплексных явлений, различных по структуре и по давности, принадлежащих к так называемым культурным заимствованиям. Эти культурные заимствования разделяются на две главные группы: одни возникли под восточным, другие под западным культурным влиянием. Первые проникли в Финляндию от славянских народов Восточной Европы, из Византии, вторые шли из Рима и от его преемников, через Среднюю и Западную Европу. Пути этих культурных новшеств часто скрещивались в Финляндии; на этнографических картах граница между районами с преобладающим восточным и районами с преобладающим западным влияниями проходит приблизительно от города Хамина к городу Коккола.

Важнейшие особенности промысловой культуры — это ее естественность и детально обдуманная и удивительно связанная с природой целесообразность. Люди не оставляли на окружающей их природе отпечатка, а, наоборот, стремились как бы замаскировать свое существование, сохранить окружающую их природу такой, какой она была в течение тысячелетий. Жилища — дерновые землянки и конические шалаши (kota) — напоминали крупные кочки, предметы домашнего обихода были небольшими и изящными, люди чаще всего передвигались пешком, в обуви с мягкой подошвой, по снегу ходили на легких лыжах, по воде передвигались в похожем на ствол дерева долбленном челноке или в маленькой лодке. Еще лучше был приспособлен к природе охотничий инвентарь. Целью всего этого было — жить, не спугивая дичь, так, чтобы охотник во всякое время года мог получить как можно больше добычи. Он должен был существовать тем, что природа предлагала ему в готовом виде. А так как природа имеет строгую сезонную цикличность, то и

представитель промысловой культуры должен был приспособливать к ней свою деятельность. Таким образом, если не исчезала дичь, все годы были похожи один на другой, а это затрудняло всякое развитие.

Общины состояли из нескольких семей, которые жили в поселениях с жилищами шалашного типа. Из года в год общины кочевали по одному и тому же довольно обширному угодию, чаще всего в пределах какой-нибудь небольшой водной системы, где водилась разная дичь. Из жилья в жилье люди перебирались по многу раз в году в зависимости от того, где они промышляли дичь.

Промысловая культура в ее чистом виде, т. е. без малейшей примеси скотоводства и земледелия, не встречается в Финляндии уже сотни лет, исключение составляют лишь лопари-колтта. Все же можно реконструировать довольно достоверную картину того, что представлял собой промысловый комплекс и каким образом он был связан с природой и в особенности с жизнью дичи.

Самым тяжелым временем года была ранняя весна, когда толстый лед мешал рыбной ловле, а охота на крупного зверя как всегда зависела от случайностей. Только промысел тюленя был в это время обеспечен. В Ботническом заливе он начинался одновременно с периодом спаривания тюленей, признаком которого было то, что самки тюленей лежали на льду, поджидая самцов. Передвигаясь на скользящем по льду охотничьем щитке типа полоза (*ajoruu*), охотники быстро осматривали обширный район, и заметив самку тюленя, приближались к ней, подражая движениям и голосу самца, на расстояние, с которого тюленя можно было достать гарпуном. В Финском заливе промысел тюленя начинался уже в середине зимы и носил иной характер — объектами его были детеныши и ухаживающие за ними самки. Тюлень был хорошей добычей: из него получали питательный жир, черное мясо и чрезвычайно прочную кожу для обуви, сумок и т. п.

После периода охоты на тюленя следовало время лова лосося. Рассмотрению различных способов лова лосося я посвятил один из своих докладов — «Этнографическое изучение промысла лосося в Финляндии» («Советская этнография», 1956, № 4, стр. 68—72). Лосось почти в течение полугода служил обильной добычей рыбакам. Но для обеспечения бесперебойного успешного лова требовался ряд различных рыболовных снарядов, а также знание способов ловли. Характер рыболовного снаряжения определялся исключительно повадками лосося в разные времена года, т. е. снасть должна была быть предельно целесообразной. Неводами и сетями продолжали пользоваться и поздней осенью, когда люди поднимались по большим рекам вверх, на озера, где в знакомых тонах метал икру ряпушка и сиг.

Одновременно начинался лов лесных птиц, причем, пока глухари и тетерева искали корм на земле, применялись различные ловушки (*ansat*, *loukut*, *satimet*), позднее же, зимой, на суках деревьев расставлялись силки (*lahdot*). Промысел пушных зверей происходил зимой, охотник был вооружен луком и стрелами и пользовался помощью собаки. С выпадением глубокого снега начиналась охота на дикого оленя в местах зимовок стад (*kiekeröt*), а также охота на лося и медведя. Основной инвентарь охотника в это время составляли лыжи и рогатина. Наступление весны, появление тюленей на льдинах и ожидаемое прибытие лосося заставляли общину опять перекочевывать на берег моря, и хозяйственный цикл повторялся.

Знание повадок дичи и собирание диких растений, например борщевика, щавеля и ягод, были в каменном веке, конечно, такими же, как и в наши дни, и поэтому определенный примитивный инвентарь требовал-

ся уже тогда, когда человек только основывал на Севере свое хозяйство на готовых дарах природы. Таким образом, луки, стрелы, остроги, копья, крючки, заколы для рыбы, неводы, сети, силки, ловушки и т. д. составляли комплекс промысловых снарядов, необходимых для лова добычи в течение целого года. Отсутствие хотя бы одного из них нарушило бы возможность постоянного обеспечения людей питанием, тем более, что крупных запасов не было, и люди большей частью имели ровно столько, сколько требовалось для непосредственного потребления. В связи с этим классификация инвентаря по типологическим эволюционным сериям, характерная для старой этнографической школы, представляется весьма искусственной. Каждая снасть или орудие лова имеет свое определенное, отличное от других назначение. Инвентарь и его использование можно считать поистине гениальными изобретениями для обеспечения пропитания и облегчения борьбы за существование. Формы его обусловлены природой, продиктованы целесообразностью и техникой применения.

В виде побочного промысла охота и рыболовство сохранились до наших дней. Но уже в доисторические времена наряду с ними возникает собственно культурная деятельность — земледельческое хозяйство, резко отличающееся от хозяйства, основанного на потребительском пользовании природою, которое нельзя соотнести с определенным историческим периодом и которое неспособно к развитию. Земледелец всегда налагает на природу свой отпечаток, он изменяет ее. Он расчищает лес под пашню и живет оседло на сравнительно ограниченной площади. Своими руками он выращивает различные злаки и плоды, делает запасы и, своим трудом способствуя их накоплению, тем самым достигает более независимого положения. Имущество и рабочая сила становятся важнейшими ценностями, и это является основой дальнейшего развития хозяйства.

Переход от промысловой культуры к земледельческой не был резким. Дело в том, что примитивное скотоводство, т. е. наличие небольшого стада оленей и овец, сочеталось с потребительским хозяйством. Олень мог прокормиться на пастбище круглый год, а овца довольствовалась зимой хвоей и заготовленными летом березовыми вениками. Кроме того, их можно было легко перегонять при годовых перекочевках, и поэтому, после собаки, овцу и оленя следует считать древнейшими домашними животными у жителей древней Финляндии. На это указывают и лингвистические данные, согласно которым названия этих животных *repä* (собака), *rogo* (олень) и *uuhä* (овца) относятся к очень древней финской самобытной лексике. Название же коровы, *lehmä*, также является древним и незаимствованным, однако не вполне установлено, какое домашнее животное называли вначале этим словом: возможно, оно означало просто самку любого животного. Во всяком случае, наличие коровы мешало перекочевкам зимой и даже летом (если приходилось переправляться через большие реки и озера). Поэтому наличие коровы характерно для земледельческого хозяйства, хотя корм для нее добывался в рощах и на естественных лугах.

Археологи высказывают хорошо обоснованное предположение, что народ, которому принадлежала культура «ладьевидных топоров», уже занимался скотоводством. На это указывает выбор местожительства. Влияние же этой культуры прослеживается в юго-западной Финляндии с конца каменного века (начиная примерно с 1800 г. до н. э.).

Малорослая лошадь того времени также была очень неприхотливой; зиму она могла прокормиться осиновой корой и сухими листьями. Ее название, *hepo*, общее для всех прибалтийско-финских языков, указывает

на давность ее приручения. В древности лошадь была не упряжным, а верховым и вьючным животным. Собака и, возможно, олень использовались значительно ранее лошади для тяги керёжки, *ahkiö*. Первыми упряжными животными для работы на полях и пожогах были волы, которых вплоть до конца прошлого столетия земледельцы юго-запада Финляндии запрягали парой.

Собственно земледельческая культура начинается в Финляндии не позже начала нашей эры. В это время население, волнами переселявшееся в юго-западную Финляндию из Эстонии, было уже типично земледельческим. Но охотничий промысел сохранял важное значение, в особенности в связи с развитием обмена пушниной. На этой основе возникает современная крестьянская культура провинций Варсинайс-Суоми, Сатакунта и Хяме. Для этих мест были свойственны сравнительно небольшие поселения, листовенные пожоги и пахотные поля, а также широкое развитие охоты и рыболовства.

Жизнь была сосредоточена в тесно застроенной деревне. Деревню окружали два больших поля, которые поочередно были — одно под рожью, другое — под паром; небольшая часть полей была засеяна ячменем, овсом, льном и пшеницей. За полями лежали обширные запущенные после подсеки земли (*varve*), на которых начинал пробиваться молодой листовенный лес; периодически часть кустарниковой земли выжигалась под поле, остальная же часть служила выгоном и местом для сбора листьев. Цикл эксплуатации кустарниковых земель (*varve*) занимал около двадцати лет. Таким образом, подсека сочеталась с перелогом. Естественные луга были расположены дальше — в прибрежных полосах. Важнейшим земледельческим орудием было рало (*koukku* или *auga*) с круто изогнутой лемешницей. Другое рало, *huhtakoukku*, имело, наоборот, почти прямую лемешницу. Рабочими животными были волы, пара их при помощи привязанного к рогам ярма (*ies'*) и дышла тянула рало или борону-суковатку, навозный короб или рабочие сани.

Интересно отметить, что некоторые архаичные черты юго-западного земледельческого хозяйственного комплекса Финляндии связывают этот район с южной Швецией, Данией и низовьем Вислы. Например, наиболее близкими финско-эстонскому лобному ярму и финскому ралу (*koukku* и *auga*) являются найденные в болотах Дании ярма и рала, которые датируются примерно началом нашей эры, а также рала, найденные в некоторых местностях средней Швеции и провинции Сконе. То же самое можно сказать о древнейших типах серпа и отчасти о цепях, родственные формы которых встречаются в Эстонии и южнее ее. Борона, рабочие сани, примитивная телега и различные способы консервации продуктов также связывают данный район с юго-западной Прибалтикой.

Совершенно иные формы имеет древняя земледельческая культура восточной Финляндии. Незадолго до начала нашей эры карельские охотники и земледельцы оседлых поселений, жившие на ограниченной площади, превратились в крестьян-пионеров, занимавшихся подсечным хозяйством и быстро продвигавшихся на север и северо-запад. Они заселили провинцию Саво и старые лесные угодья племени хяме в средней Финляндии, продвинулись в среднюю и северную Похьянамаа, переселились за море в необитаемые леса средней Швеции, а в XVII веке, правда, главным образом как ссыльные, оказались даже в Новой Швеции, т. е. в окрестностях р. Делавар в Северной Америке. Всюду они осваивали леса хвойного и смешанного типа, снимали один-два урожая и вновь расчищали под пашню новые леса. Где почва была пригодна для земледелия, как например на водоразделах, и где неподалеку имелось рыбное озеро или река, там возникал более или менее постоян-

ный хутор, а вскоре и родовая деревня; размещение построек ее было разбросанное, инвентарь бедный, но как рабочий коллектив она была сплоченной.

Это стихийное переселенческое движение было связано с культурными заимствованиями от русских, в основном от групп, живших в районе Ильмень-озера. К этим культурным заимствованиям я возвращусь немного позднее.

Лиственные рощи, которые выжигались под пашни в старом земледельческом районе — в западной Финляндии и Карелии, было легко подготовить к поджогу: нужно было только заблаговременно свалить деревья и дать им хорошо высохнуть до выжигания. На суглинках почва легко достижима, так как она покрыта только легкой, быстро гниющей поверхностной растительностью.

Иначе дело обстоит в девственных хвойных лесах. Там почву всюду покрывает сыроватый слой гумуса (*kuntta*), состоящий из полугнилого мха, стеблей вереска, брусники, черники и т. п. Уничтожение этого слоя было одной из важнейших задач подсечно-огневого хозяйства в хвойных лесах. Слой *kuntta* преодолевался простым, но требующим много времени способом, а именно подсочиванием деревьев (финский термин «*ruättäminen*»). Занимающийся подсечным хозяйством коллектив ставил по границе лесного участка свои отметки на деревьях и сваливал мелкий лес (такой участок назывался *rukälikkö*). Крупные же деревья только подсочивались, т. е. на них делали зарубки и сдирали часть коры. В таком состоянии лес оставляли стоять не менее десяти лет. За этот срок крупные деревья высыхали, в то время как пни деревьев, срубленных сырыми, не засыхали, а медленно гнили. Лиственные деревья вообще нельзя подсочивать, так как, если их повредить, они гниют, а не засыхают.

Итак, один занимающийся подсечным хозяйством коллектив должен был владеть по меньшей мере десятью «созревающими» подсеченными участками леса. Участки поочередно вырубались, высушивались и выжигались, затем превращались в пашню на год-два, редко три, после чего истощенный участок забрасывался. Постепенно люди продвигались все дальше, на новые земли. В первые годы урожая бывали часто невероятно обильными. Хлеба хватало даже большой группе населения, которая смело переселялась все дальше от своих исконных деревень в Карелии и Саво.

Древнее подсечное земледелие составляло в свое время на редкость своеобразный комплекс, многие черты которого перешли и в позднейшую восточно-финскую народную культуру. Предприимчивое семейство, если у него имелись с собой топор, нож, копье, лук и небольшая сеть, а в котомке семена, два-три куса железа для лемеха, сохи и серпа, часто селилось отдельным хутором далеко в пустынных лесах.

Ключом к лесу был топор, которым рубили деревья на пожоге, строили курную избу, служившую одновременно и баней и ригой, им же мастерили соху и борону-суковатку; ножом (*puikko*) драли бересту на лапти, на покрытие избы, на лукошки для зерна. Дерево и береста были основными материалами, а при расчистке леса под пашню первым помощником был огонь. Засеваемая на пожоге мелкозернистая рожь, *jiiheinen*, отличалась очень высокой урожайностью — одно зерно давало несколько колосьев, и поэтому не нужно было много семян. Другим хорошо принимавшимся в золе растений была репа.

Восточный серп был с зазубренным краем, меньшего размера и более изогнутым чем на западе, и, пожалуй, более эффективным при работе, так как был хорошо сбалансирован и им жали, захватывая, т. е.

срезали потребное для снопа количество колосьев, не разгибая спины. Рига давала возможность обмолотить хлеб и в дождливую осень. Зерно рижной сушки сохранялось в закромах много лет, и поэтому можно было иметь старые запасы хлеба, которыми люди питались в такие годы, когда из-за дождливого лета не удавалось выжечь новый участок.

Подсечное земледелие было весьма жизнеспособным при наличии новых участков леса. По своему хищническому характеру и простоте инвентаря оно сопоставимо со старой промысловой культурой, но резко отличалось от нее постоянным продвижением на все новые и новые земельные участки и их расчисткой под пашню. Поэтому характернейшей чертой подсечного земледелия было продолжающееся освоение нетронутых лесов. Этим, по-видимому, вызвана недолговечность и упрощенность предметов материальной культуры при подсечном хозяйстве. Предметы домашнего обихода изготовлялись на новом месте для кратковременного пользования, и потому они не отделялись и не украшались; ткани предназначались при таком уединенном образе жизни только для будничного пользования, и поэтому люди довольствовались некрашеной холстиной и грубым сукном: постройки рубились на скорую руку. Поэтому в области Саво нет прикладного народного искусства, а дома и группы домов, даже у обрабатываемых полей, стоят разрозненно, не имея той прямоугольной симметричности, какая свойственна дворам и деревням западной Финляндии.

Подсечное земледелие в хвойных лесах восточной Финляндии рассматривалось некоторыми учеными как самая примитивная форма подсечно-огневого хозяйства в Европе. Имеются, однако, причины считать его более совершенным достижением, чем древний способ выжигания лиственных рощ. Именно новые методы подсеки позволили применить ее на обширных моренных землях. Пожог в хвойных лесах в Финляндии относится к значительно более позднему времени, чем юго-западный тип пожог (huhta).

На основании находок из могильников эпохи железа в центральной Карелии можно установить, что приблизительно в X—XI вв. в составе могильной утвари появляется, вместо старого гладкого серпа, серп нового типа, а именно упомянутый зазубренный серп, известный под названием (sirppi — древнерусск. сѣрпъ). Это было результатом карельско-славянских соприкосновений к югу от Ладоги. В этот период, по-видимому, в быт вошли также: новый, состоящий из двух частей цеп (giusa → русск. приузь), двузубая деревянная соха (hankoaura), техника подсочивания деревьев, курная изба и баня. Таким образом, карельско-савское заселение пустынных земель было как бы продолжением большого переселения славянских народов, шедшего от бассейна Вислы к востоку и северо-востоку, и из-за подсечного земледелия связанного с быстрой сменой мест обитания. Технический инвентарь был у славянских и финских крестьян один и тот же. Если, с одной стороны, на старых карельских землях еще недавно отмечались древние заимствования, например рамы для сушки зерновых на поле (elohaasiat), овсяный хлеб, спальные клетки, то, с другой стороны, многие позднейшие юго-восточные заимствования из русской культуры распространились по всей Финляндии и перешли даже за Ботнический залив. Значительная часть их относится к постройкам и пище, т. е. к важнейшим областям народной культуры.

В связи с оседлым образом жизни переход от шалаша, kota, к избе, pirtti, совершился не непосредственно. В переходный период, по крайней мере в юго-западной Финляндии люди жили в так называемых длинных домах, представлявших собой крупные постройки столбовой конструкции с двускатной крышей, какие некогда существовали в Эстонии и во

многих районах Средней Европы. Люди и скот жили в них под одной крышей. Низкие стены были сплетены из прутьев и промазаны глиной. Древнейшие следы срубных построек, для которых прямые стволы хвойных деревьев служили отличным материалом, встречаются в области Старой Ладogi и относятся к тому времени, когда славянские племена, тысячу с лишним лет назад, вошли в соприкосновение с карелами. Новый, четырехстенный тип избы начал быстро распространяться оттуда на север и запад. Одновременно стали возводиться небольшие четырехстенные бревенчатые постройки различного назначения с крышей из дражки: бани, риги, а также амбары и клетки для хранения хлеба, рыбы, мяса, одежды и спальные клетки, равно как и хлева для коров, овчарни, свиарники, конюшни и летние кухни, хотя последние долгое время сохраняли форму конического шалаша, напоминавшую древнейшее жилище. Постройки со срубными стенами было сравнительно легко возводить и легко соединять в комплексы: на западе возникали замкнутые дворы замкового типа, на востоке — к северу от Ладogi — соединение построек под общей крышей, так называемый новгородский дом-двор, в провинции Саво сохранилось свободное, одиночное размещение построек.

Глубокое влияние на народную культуру оказала заимствованная вместе с курной избой русская печь; в противоположность очагу, ее можно было закрывать и превращать, таким образом, в хлебную печь. Привыкшие к открытому очагу и свежему воздуху люди неохотно восприняли печь в жилом помещении, так как она давала угар, и поэтому в западной Финляндии печь долгое время складывалась на открытом воздухе, на месте, называемом *pättimäki*; позднее для печи строили во дворе особую избу-пекарню. В настоящее время хлебная печь повсеместно ставится в жилой избе.

Затем появился хорошо выпеченный хлеб из рыхлого заквашенного теста, выдерживающий длительное хранение; вначале он был лакомством, а также лучшим провиантом в долгих путешествиях. Прежний хлеб, *kattiainen*, *kyrsä*, *gieska*, представлял собой пресные лепешки, поджаренные на огне, которые нельзя было хранить. Мясо тоже стали жарить в печи, вместо прежнего копчения и вяления. В восточной Финляндии в печь ставилось также кислое молоко и молозиво, из которых получали творог, сыворотку и сыр. В западной Финляндии молоко по-прежнему заквашивали без печи, приготавливая из него сыр и простоквашу. В восточной Финляндии в печи сушили и мелкую рыбу, которую также запекали в тесте (*kalakukko*). Рыбники были древним заимствованием и распространились с востока по всей Финляндии. Сюда же относились и пироги, которые, однако, сохранились только у карел, как лакомое блюдо. Кроме того, в печи поджаривали вареный ячмень, из которого в восточной Финляндии приготавливали толокно. Вообще можно сказать, что пища, приготовленная в печи, более распространена в восточной Финляндии, в западной же Финляндии народные блюда приготавливаются преимущественно на открытом огне. Это, конечно, вызвано тем, что, как выше было сказано, в Карелии русская печь появилась в жилом помещении значительно раньше, чем в Хямэ и западной Финляндии. Этим же, по-видимому, объясняется и то, что в восточной Финляндии хлеб издавна потреблялся, как в Восточной и Центральной Европе — свежеспеченным и мягким, в западной же Финляндии — сухим и твердым, за исключением случаев, когда к какому-нибудь празднику приготавливали свежий хлеб старым способом. Дело в том, что в Карелии и Саво печи в жилых помещениях топились регулярно, и в них можно было ежедневно печь хлеб; муку также можно было смолоть с по-

мощью ручной мельницы когда угодно. На западе же печи долгое время ставились на открытом воздухе, а позднее — в особых избах-пекарнях; поэтому они топились редко, но подолгу. Выпечка хлеба производилась главным образом осенью и весной; тогда всего безопаснее было нагревать печи, а мука, получаемая с мельниц, приводимых в движение весенним и осенним половодьем, сразу шла на приготовление теста, что очень помогало удачной выпечке. Большие количества хлеба сушились на жердях и подставках, так что в запасе имелось вдоволь сухой пищи. Сухой хлеб стал традиционным для всей западной Финляндии.

Характерную картину взаимодействия различных факторов, влиявших на формирование народной культуры, дает даже краткое знакомство с исконными финскими средствами передвижения. Древнейшей сетью дорог в Финляндии были, при открытой воде, водные пути, начиная с мелких речек и кончая крупными озерами и морскими просторами. Уже рано в доисторическое время люди умели передвигаться по этим водным путям на лодках при помощи весел, гребков или шестов, смотря по тому, каким был водный путь. Когда же этот путь кончался, люди перетаскивали суденышко на катках в другие воды. Судном служила лодка (*vene*), на море — также *laiva*, *haaksi* или *uisko*; последние названия означали более крупное судно, с бортами из нескольких досок. На коротких расстояниях и при ловле рыбы пользовались лодкой-однодеревкой или выдолбленным из осины и распаренным над огнем изящным и легким челноком — *palkovene*, какие еще недавно изготовлялись в некоторых глухих местностях западной части провинции Сатакунта. Эти челноки были легки на ходу и их было легко переносить из озера в озеро, но большого груза они не могли поднять. Поэтому для перевозки грузов и дальних путешествий в Финляндии почти повсеместно еще применяются дощатые лодки, которые по внешнему виду можно разделить на двенадцать главных типов, причем каждый из типов имеет свою географическую область распространения. Увидев какую-нибудь лодку, специалист может сразу сказать, что это за лодка: северного или южного морского типа, лодка озерных лопарей, лодка области Перяпохьола, средней Похьянмаа, Кайнуу, северной Карелии, Саво, средней Финляндии, западного Хямэ, реки Коккемяенйоки или же озер Пюхя-ярви и Кэулиен-ярви. Особенно интересно отметить, что типы лодок сгруппированы по водным системам и что водная система (характер водного пути) наложила на каждую группу свой отпечаток. Наиболее резко отличаются друг от друга тяжелая и широкая морская лодка южного типа, приспособленная для преодоления сильных волн открытого моря, и длинная и узкая лодка области Перяпохьола («дальнего севера»), предназначенная для хода на веслах, толкания шестом и спуска по порогам. Величаво выглядела ладожская лодка, имевшая угловатый нос. Совершенно другой нос имела старая лодка области Хямэ: чрезвычайно просто сделанный и прямой. Самые изящные и красивые — лодка области Саво и ее ближайшая родственница, лодка среднефинляндского типа. Это и не удивительно. Ведь эти лодки бытуют в той части Финляндии, где больше всего озер.

Древнейшими зимними средствами передвижения и транспорта, представленными даже в находках, восходящих к каменному веку, являются лыжи и керёжка (*ahkio*). Лыжи для быстрой в мире техники бега были созданы в области, лежащей между водной системой Кайнуу и Белым морем. Местность там довольно ровная, подходящая для бега на длинных, выгнутых лыжах (обычно деревенские жители не поднимаются на лыжах на крутые склоны холмов и не спускаются с них, а движутся по долинам рек, озерам и ровным лесистым местностям). Кроме того,

вызываемые близостью Гольфстрима оттепели и следующие за ними морозы образуют каждую зиму долговременный наст, и поэтому снег выдерживает даже узкие лыжи и палку с кружком-упором. Наст может растрескаться под копытом лося или оленя, лыжника же он выдерживает, и поэтому можно заниматься гоньбой зверя. Дальше к востоку оттепелей не бывает, не бывает и наста, и потому там люди передвигаются по мягкому снегу, переступая на лыжах, похожих на доски. Лыжи южного типа — тоже ступательные. На старых же финских и северошведских лыжах лыжники действительно скользили. К левой ноге прикреплялась чрезвычайно длинная и выгнутая лыжа (*lyly*), а к правой ноге — более короткая *sivakka* или *kalhu*, которой отталкивались. Так делали в мороз, при хорошем пути, и когда требовалась скорость. Лыжи одинаковой длины с палками предназначались для универсального пользования. Такими лыжи сохранялись до тех пор, пока не потеряли значения как средство передвижения и гоньбы зверя. Бег на лыжах превратился в спорт, и лыжи приобрели форму, характерную для Норвегии, т. е. они стали более короткими и получили неподвижные крепления. На этих лыжах было удобно подниматься по крутым склонам гор и спускаться с них.

До тех пор, пока не было собственно зимних дорог, единственным специальным транспортным средством была керёжка, *ahvio*. Она была похожа на маленькую, перерезанную поперек лодку; благодаря ее острому и загнутому носу, человек, собака или олень могли тянуть ее по какой угодно местности; ни за что не цепляясь, керёжка двигалась по той же колее, что и тянущий ее. Двухполосные же сани требовали дорог или, по крайней мере, проложенного санного следа.

Переходя к более поздним явлениям, интересно опять отметить, что в Финляндии встречаются два основных типа саней: восточный и западный.

Сани, наиболее близкие саням западного типа, встречались в западной Эстонии, южной Швеции и в Альпах; такую же конструкцию имеют норвежские сани, которые еще более тысячи лет назад клались в могилу вместе с покойником. Характерная особенность данного типа саней — это неподвижная конструкция с жесткими углами. Восточно-финские сани, которые распространены на севере России и в восточной Эстонии, а также в латышско-литовском районе, представляют собой единую и гибкую конструкцию. Эти сани имеют высокий гнутый передок, связывающая и несущая конструкция соединены. В сани западного типа раньше с помощью дышла впрягали волов. Сани же восточного типа снабжены боковыми оглоблями, благодаря чему ими легче управлять, чем при дышловой запряжке. В сани восточного типа всегда впрягалась лошадь; упряжь имела дугу, что способствовало подвижности всего комплекса. Хотя на труднопроходимой лесистой местности, по бездорожью, сани и наталкивались на камни и пни, они, однако, не застревали и не ломались, так как конструкция их была эластичной, оглобли же направляли их в колею. Эти сани были неотъемлемой частью карельско-саво-ского подсечного земледельческого хозяйства и были незаменимы при освоении далеких пустынных земель; санями же западного типа пользовались земледельцы, возделывавшие старопашотные поля и близлежащие пожоги, дороги к которым были постоянны, коротки и проходили по ровной местности.

Несмотря на все сказанное выше, есть основания считать Финляндию страной с единой народной культурой. Наиболее резкие отличия встречаются только в Лапландии и пограничной Карелии. Первая из этих областей отличается от остальной Финляндии и по своей природе и по

коренному населению; вторую отделяла еще недавно старинная вероисповедная граница, часто являющаяся более резким культурным рубежом, чем языковая. Так, переходя от финского района к западу, за Ботнический залив, едва ли можно заметить какой-либо действительный культурный рубеж, настолько тесно Финляндия связана с областью скандинавской культуры. В то же время Финский залив служит границей, отделяющей Финляндию от прибалтийской культурной области. В Эстонии предметы народного быта характерны для старинной культурной области Прибалтики, основной центр которой находился в прусско-вендско-датском районе. В юго-западной Финляндии этих черт значительно меньше, чем в Эстонии, так как единство финского ландшафта и своеобразное общественное и политическое развитие Финляндии, отличающееся от судеб Эстонии, слили различные явления в единую финскую форму.

Культурные новшества из места зарождения распространяются от народа к народу, из одного края в другой. При этом общее культурное достояние народов живет и развивается; отдельные народы вносят в явления культуры свой вклад и отсеивают все неприемлемое для них. Таким образом, национальным в народной культуре является тот способ, каким общее достояние преобразовано в отечественную культуру. Важно удостовериться, что именно прибавлено к общему достоянию и в какой части это достояние преобразовано в свою, более целесообразную в данных условиях форму. Если посмотреть на Финляндию со стороны, ее народная культура окажется весьма своеобразным комплексом, для которого типичны сохранение некоторых архаичных явлений промыслово-подсечной культуры и гармоничное сочетание восточных и западных культурных элементов.

SUMMARY

The paper deals with the evolution of economic pursuits among the Finns in the early stages of their history. The author shows how the transition from a hunting and fishing economy to settled agriculture was brought about; he pays particular attention to the problem of opening up new lands in connection with the slash-and-burn system of agriculture. A brief analysis is given of some elements of material culture (agricultural implements, vehicles, food) and of cultural borrowing from adjacent peoples in various periods.
